

Ассоциация японоведов
Институт Дальнего Востока РАН
Институт востоковедения РАН

**Общероссийская научная конференция
«Япония в Восточной Азии: политика, экономика»
22 декабря 2017 г.**

Тезисы докладов

г. Москва

Бурухин Антон Андреевич

студент 1-го курса магистратуры Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Япония в процессе транснационализации мировой экономики

После Второй мировой войны экономика Японии была почти на 80% разрушена, большинство крупных городов уничтожено. В стране отмечался значительный дефицит топлива, продовольствия, товаров первой необходимости. Однако, уже в конце 40-х – 50-е гг. наметились первые признаки оздоровления. Темпы экономического роста характеризовались двухзначными цифрами (пик в 1952-1953 гг. – 25%), в последующие годы до середины 70-х гг. темпы роста реального ВВП сохранялись на более низком, но по-прежнему впечатляющем уровне (в среднем 9-10%), со второй половины 70-х гг. 20 в. экономический рост замедлился, но был весьма высоким по меркам уже развитой экономики (в среднем 5-4%). В результате Япония из «смертельно больного пациента» превратилась во вторую экономику мира (1968 г.). В 1950 г. подушевой доход Японии составлял только 7% от уровня дохода на душу населения США, в 2000 г. Япония перегнала США по этому показателю, соответственно 37,5 и 34,8 тыс. долл.

Японская модель догоняющего развития на несколько десятилетий стала образцом для новых индустриальных стран Азии первой, а затем и второй волны. В результате в регионе сложилась и определенная модель разделения труда, в рамках которой Японии отводилась роль поставщика капитала, технологий, высокотехнологичной продукции, а страны-партнеры специализировались на более простой, трудоемкой продукции и играли роль производственной базы для японских корпораций.

Экономика страны демонстрировала высокие темпы роста во многом благодаря успешной реализации программы ускоренного развития промышленного экспорта, структура которого за послевоенный период претерпела значительные изменения. В результате доля Японии в мировом экспорте быстро, хотя и скачкообразно, росла и достигла уровня 9-10% к середине 80-х гг. На рубеже веков японская доля на мировых экспортных рынках снизилась до 7,5-8,5%. Торговый баланс Японии до конца 60-х гг. оставался преимущественно отрицательным, а с 70-х гг. (за исключением периодов, связанных с резким изменением цен на энергоносители) сформировался устойчивый значительный профицит. Именно огромный торговый профицит позволил превратиться Японии в крупнейшего экспортера как государственного, так и частного капитала, крупного донора для многих развивающихся стран. В Японии сложился крупнейший (второй после США) рынок иностранных облигаций.

Однако, по ряду факторов, таким как движение капитала и движение трудовых ресурсов, Япония отстает от большинства стран ОЭСР. Та же картина складывается, если обратиться к другим показателям, характеризующим привлечение ПИИ – сделки поглощения и слияния (M@A). Эта форма сделок встречается гораздо чаще, чем создание нового бизнеса.

В целом, в своем докладе я хотел бы остановиться на основных вопросах, которые стоят перед японской экономикой в настоящее время.

Валиуллин Рафаэль Зуфарович,
консультант по индустриальным проектам,
член Ассоциации японоведов

Перспективы экономического сотрудничества между Россией и Японией в период нового сближения

1. Разделение труда через цепочки поставщиков:
  - специализация производства – путь к лидерству;
  - аутсорсинг для снижения издержек и рисков;
  - встраивание в международные цепи поставщиков.
2. Риски, препятствующие развитию:
  - импортозамещение для всех эффективных;
  - дефицит аутсорсинга комплектующих;
  - развитие внутри волатильной экономики.
3. Технологии развития человеческого капитала:
  - применимость японских методов в России;
  - эффективность японского менеджмента в мире;
  - Wordskills: акселерация локальных стандартов.
4. Движущая триада японского качества
  - НИОКР – основа долгосрочного лидерства;
  - передовое оборудование, его модернизация
  - эффективная организация производства.

Вершинин Игнат Николаевич,
магистрант 2 курса Санкт-Петербургского государственного университета,
факультет международных отношений
профиль «Исследования Тихоокеанского региона»

Проблемы и перспективы японо-корейского политического диалога

Современное состояние международных отношений в Восточной Азии характеризуется высокой степенью напряженности в связи с развитием ядерной и ракетной программы КНДР. Однако помимо очевидного негативного эффекта, сохранение нестабильности в регион может дать импульс к развитию двусторонних отношений Японии и Республики Кореи.

Целью данного исследования является попытка определить основные направления, перспективы и проблемы развития политических, экономических и социальных контактов между двумя крупнейшими демократиями региона Восточной Азии на современном этапе.

В ходе исследования были проанализированы официальные документы двустороннего и многостороннего взаимодействия Японии и Кореи, выступления официальных лиц, доклады исследовательских, статистических и аналитических центров. В результате проведенной работы, автор пришел к следующим выводам:

Во-первых, агрессивные действия и высказывания северокорейских лидеров дали новый толчок развитию политических контактов между Японией и РК, однако они происходят в основном в рамках существующих трехсторонних и многосторонних соглашений. Примером может стать трехсторонний саммит Китай – Япония – Южная Корея, который состоится в первом квартале 2018 года и на который южнокорейское руководство возлагает большие надежды. Подобная тенденция вызывает опасения в связи с растущей экономической и политической зависимостью РК от КНР, которая напрямую влияет на развитие японо-корейского диалога.

Во-вторых, руководству обеих стран следует отложить в сторону разногласия по поводу исторических событий («женщины для утешения», храм Ясукуни), которые являются наиболее значительным сдерживающим фактором дальнейшего развития двусторонних отношений. Для нормализации отношений Японии следует переработать существующую концепцию «мягкой силы», трансляция которой встречает противодействие со стороны южнокорейского руководства. Одним из перспективных направлений является продвижение общего азиатского культурного бренда в связи с серией предстоящих Олимпийских игр. Объединение «корейской волны» и «японской волны» может дать позитивный толчок развитию «мягкой силы» обеих стран.

Галимов Марат Викторович,
студент 2 курса Волгоградского государственного университета,
направление "Международные отношения"

Перспективы Японии при включении четвертого актора в переговоры с КНР и Республикой Корея о ЗСТ

Сегодня диалог КНР-Япония-Республика Корея зачастую остается без внимания. Это необычно, ведь ЗСТ между тремя странами как одна из целей переговоров, стала бы крупнейшим интеграционным объединением после ЕС и НАФТА. Кроме того, данная ЗСТ послужит основой для оформления Всестороннего регионального экономического партнерства, ВРЭП, включающего весь АСЕАН и треугольник КНР–Япония–РК (АСЕАН+3). Наконец, несмотря на редкое упоминание треугольника в публичном поле, несколько государств готовы или потенциально могли бы выступить как четвертый участник.

Для Японии ВРЭП и ЗСТ с КНР и РК могло потерять актуальность по следующим причинам. Ввиду выхода США из Транс-Тихоокеанского Партнерства, у Японии появилась возможность встать во главе ТТП, где она не будет чувствовать давления со стороны КНР. К тому же, корейские ученые в 2009 году окончательно определились, что японо-корейская ЗСТ будет мало выгодна для их страны, в отличие от корейско-китайской ЗСТ. Именно поэтому КНР с РК заключили ЗСТ в 2015 году. У Японии нет ЗСТ ни с РК, ни с КНР. Однако включение в треугольник ЗСТ четвертого актора, может уравнивать выгоды Японии и других стран при образовании нового многостороннего ЗСТ.

Итак, перспективы присоединения США к переговорам о ЗСТ невелики. США был фактическим лидером ТТП. Китай как потенциальный конкурент не был приглашен в объединение. Однако США вышли из переговоров на завершающем этапе. Нынешний президент США выступает против любых экономических интеграционных объединений, например, НАФТА.

У Индии с Японией есть ЗСТ, и, возможно, включение Индии в диалог дало бы Японии некоторое преимущество в переговорах с КНР и РК. Однако для Индии это может означать еще большее увеличения дефицита торгового баланса с КНР.

Австралия, у которой тоже есть ЗСТ с Японией, рассматривает возможность вступления в треугольник, поскольку австралийские экономические и стратегические интересы лежат в сотрудничестве с тремя странами.

Примечательно, что КНР уже официально выносила на обсуждение вопрос о вступлении четвертой страны в переговоры. Возможно участие России, продвигающей совместный проект Энергетического Суперкольца с тремя странами треугольника и Монголией. Однако, если опасения, что Япония собирается вновь опираться на атомную энергетику, верны, то России пока нечего ей предложить в экономическом плане. В дополнение, согласно докладу Валдая о России и Азии до 2037 г., имеется три сценария взаимодействия РФ и Азии, каждый из которых содержит не только перспективы, но и угрозы для России.

В результате, Япония стоит перед непростым выбором: заключить договор о заведомо невыгодной ЗСТ с КНР и РК или выйти из переговоров и лишиться перспективы участия в ВРЭПе. Введение четвертого актора может быть выгодно Японии. Вступление

США в переговоры не представляется возможным, а участие России имеет как плюсы, так и минусы. Японии необходимо выбрать между Индией и Австралией, до того, как ее вынудят подписать невыгодный ей в данный момент трехсторонний договор о ЗСТ.

Гринюк Владимир Александрович,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра японских исследований
Института Дальнего Востока РАН

Япония перед двойным вызовом с Корейского полуострова

2017 г. был чрезвычайно трудным для японского руководства с точки зрения его политики в отношении государств Корейского полуострова. Ядерные испытания и пуски ракет КНДР представляют серьёзную угрозу для мирового сообщества в целом и для Японии. В прошлом году в «Белой книге по обороне» Республики Корея был сделан вывод, что Северная Корея добилась значительного прогресса в сфере выработки высокообогащённого урана и миниатюризации ядерного оружия. По заключению экспертов, недавно Северная Корея достигла финальной стадии разработки ядерного оружия: наладила успешное производство уменьшенных и облегчённых ядерных боеголовок различных модификаций. Начиная с февраля с. г. КНДР предприняла более десяти испытательных пусков ракет малой, средней и большой дальности, а 3 сентября провела шестое по счёту испытание ядерного устройства.¹ При этом Пхеньян объявил, что в данном случае был взорван термоядерный заряд.

В публикациях японской прессы обсуждается мысль о разнице в подходах прежнего и нынешнего высших руководителей Северной Кореи к ракетно-ядерному оружию. Если Ким Чен Ир рассматривал его как важнейшую «карту» в дипломатии и в качестве возможного выбора допускал и отказ от него, то Ким Чен Ён подходит к ракетно-ядерному комплексу как средству сдерживания в противостоянии с США и добивается реального боевого развёртывания в КНДР баллистических ракет с ядерными боеголовками. Пуски северокорейских ракет вынудили Японию привести в готовность системы ПРО и гражданскую оборону.

Ещё одной причиной головной боли у руководства Японии стало избрание в мае с. г. в качестве президента Южной Кореи Мун Чжэ Ина – политика левоцентристского плана. В вышедшем незадолго до выборов номере одного из ведущих общественно-политических журналов Японии «Бунгэйсүндзю» была опубликована статья, заголовок которой выражал панические настроения в политических кругах Токио: «Отчаяние в связи с ситуацией на Корейском полуострове – опасные игры Севера с оружием и антияпонская линия Юга».²

В руководстве Японии заранее опасались, что при президенте Мун Чжэ Ине будет затруднено разрешение таких связанных с историей сложных проблем японо-жнокорейских отношений, как вопрос «женщин для утешения» и территориальная проблема. Особую озабоченность у японских политологов вызывал объявленный Мун Чжэ Ином курс на налаживание диалога РК с КНДР. Они полагали, что из-за такого

---

¹Son Hyun Jin. The Realities on the Korean Peninsula. The Current Status of North Korea's Missile Program//Hiroshima Research News. Hiroshima Peace Institute. Vol. 20 No. 1 November 2017. P.1.

²НисиокаЦутому, МутоМасатоси, Ко: ЁнГи, ТахараСоитиро. «Дзэцубо: но Тё:сэнханто: Кита но бо:хацу, Минами но ханнити». «Отчаяние в связи с ситуацией на Корейском полуострове – опасные игры Севера с оружием и антияпонская линия Юга»//«Бунгэйсүндзю:», Май 2017., с. 104-114.

настрою Мун ЧжэИна будет трудно обеспечить единство США, Японии и Южной Кореи в осуществлении линии давления на Пхеньян.

Но если прежнее руководство Южной Кореи во главе с президентом Пак Кын Хе проводило в отношении Токио линию жёсткого «увязывания» сотрудничества с позицией японских партнёров в вопросах истории, то новая администрация Республики Корея провозгласила курс «двойного подхода» к Японии. Такой курс предусматривает, с одной стороны, последовательное отстаивание корейской национальной позиции в вопросах исторического прошлого, а с другой, ориентирован на развитие двустороннего взаимодействия с Токио в дипломатии, экономике и в сфере обороны.

В соответствии с этим курсом сохраняются противоречия между Токио и Сеулом по теме «женщин для утешения». Японская сторона настаивает на том, что достигнутое в декабре 2015 г. японо-южнокорейское соглашение по этой проблеме исчерпывающее и окончательное. Власти РК подчёркивают, что корейцы не удовлетворены этим соглашением, поскольку оно носит полуофициальный характер и в его основе нет форменного извинения со стороны японского правительства. Токио и Сеул по-прежнему бескомпромиссны и в конфликте по поводу островов Такэсима/Токто.

Президент Южной Кореи Мун Чжэ Ин в качестве одной из основ своей внешнеполитической линии провозгласил налаживание контактов с КНДР. Были намечены конкретные меры по выстраиванию взаимодействия с Севером. Однако в обстановке ожесточённого противостояния с угрозой применения ядерного оружия миротворческие инициативы президента Республики Корея не были реализованы. Миротворческие настроения Мун ЧжэИна вызвали нарекания со стороны президента США Трампа, но в целом в треугольнике Вашингтон–Токио–Сеул сохранялось единство в противостоянии с КНДР.

Поскольку проводимая США и их союзниками линия угроз и шантажа в отношении КНДР показала свою бесплодность, японские эксперты полагают, что США в конечном счёте будут вынуждены признать ядерный статус Северной Кореи и в ходе переговоров с Пхеньяном добиваться взаимоприемлемого компромисса. В Токио опасаются, что такой компромисс может быть достигнут в ущерб безопасности Японии.

Добринская Ольга Алексеевна,

кандидат исторических наук,

научный сотрудник Центра японских исследований Института Востоковедения РАН,

старший преподаватель Дипакадемии МИД

Осуществление японской политики «мягкой силы» на примере отношений со странами Центральной Азии

Мягкая сила является одним из наиболее развитых инструментов японской внешней политики. Отказавшись от использования военной силы, Япония делает ставку на задействование инструментария экономического и культурного присутствия в мире.

Мягкая сила играет немалую роль и в осуществлении внешнеполитической стратегии Токио в отношении пяти республик Центральной Азии. Несмотря на то, что этот регион не является приоритетным с точки зрения японских национальных интересов, он находится в сфере пристального внимания Токио, и на него направлены значительные финансовые ресурсы. В этом регионе Япония стремится расширить свое культурное присутствие, создать условия для благоприятного проведения внешнеполитического курса и ведения бизнеса.

Особенности политики мягкой силы Японии в регионе состоят в следующем.

Во-первых, это сравнительно недолгая история развития дипломатических связей.

Во-вторых, использование культурной и расовой схожести и, как результат, особой близости как частью официальной риторики.

В-третьих, в отличие от Восточной Азии, в этом регионе репутация Японии не отягощена негативным багажом истории.

В Центральной Азии изначально сложились благоприятные условия для реализации Японией своих внешнеполитических инициатив.

Политика «мягкой силы» направлена на формирование имиджа Японии следующим образом:

- имидж дружелюбного государства, не преследующего корыстных целей в отношении Центральной Азии;
- имидж нейтрального актора в регионе;
- привлекательность японской послевоенной модели развития;
- лидерство в сфере инноваций;
- лидерство в решении социально-экономических проблем;
- государство, придающее особое значение вопросам окружающей среды.

Основными инструментами проецирования мягкой силы Японии в Центральной Азии являются Официальная помощь развития, а также культурная и публичная дипломатия.

Публично-культурная дипломатия играет ключевую роль не только как способ создания благоприятного имиджа Японии в Центральной Азии. Она имеет большое значение и с точки зрения обоснования вовлечения Японии в дела Центральной Азии.

Ресурсными центрами японской мягкой силы в регионе являются посольства во всех пяти республиках, а также т.н. совместные Центры развития человеческих ресурсов «Японские центры»

Основными направлениями проецирования «мягкой силы» являются:

- предоставление ОПР (на двусторонней и многосторонней основе, в социально-экономической сфере, в культурной сфере);
- организация культурных мероприятий, публичных выступлений, интервью дипломатов;
- содействие изучению японского языка;
- обучение специалистов и организация стажировок в Японии.

Реализация Японией политики мягкой силы в Центральной Азии позволяет сформировать благожелательное отношение местных элит и населения, способствует продвижению ее экономических интересов и реализации внешнеполитического курса

Емельянова Олеся Николаевна,

старший преподаватель

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»,

факультет мировой экономики и мировой политики / Школа востоковедения

Роль азиатского рынка как двигателя промышленного развития Японии в последней четверти XIX в.

Существует ряд теорий, которые среди факторов индустриального экономического роста особое внимание уделяют развитию международной торговли. Среди них можно привести в пример концепции американского экономиста лауреата Нобелевской премии Кузнеця С., исследователей Енниса Х. (Ennis H.) и Норта Д., а также японского ученого Синохара Миёхэй. Подтверждением этих теорий может являться и Япония последней четверти XIX в., в которой возможность выхода на азиатский рынок существенно повлияла на процесс индустриализации.

Переход Японии к новому хозяйственному укладу был не возможен без роста потребления. Однако внутренний рынок в силу ряда причин не мог за короткий период времени предложить соответствующего расширения спроса на новую индустриальную продукцию. Одновременно с этим к концу XIX в. Япония для стран Запада продолжала оставаться сырьевым придатком – экспортером сырья (шелк и чай) и импортером средств производства.

Решением стало расширение торговых отношений с азиатскими странами, в которых Япония начала играть качественно иную роль, выступая импортером сырья (хлопок, рис) и экспортера готовой хлопчатобумажной продукции. Значение азиатского рынка для японских производителей неуклонно возрастало, и он стал ключевым рынком сбыта промышленной японской продукции. При этом, со временем наблюдался не только рост товарооборота, но и качественное улучшение экспортируемой продукции.

Факторы, которые позволили японским торговцам завоевать азиатский рынок, и будут рассмотрены в докладе Емельянова Олеси Николаевны НИУ «Высшая школа экономики», факультет мировой экономики и мировой политики, школа востоковедения, старший преподаватель

Роль азиатского рынка как двигателя промышленного развития Японии в последней четверти XIX в.

Зимонин Вячеслав Петрович
доктор исторических наук, профессор
Военный университет МО РФ

«Северные территории»: политические цели масштабной картографической агрессии Японии

Я с интересом ознакомился с опубликованными 30 ноября «ИА Регнум» результатами опроса россиян, в котором приняли участие 54 309 человек. Порадовало, что подавляющее число (89%) респондентов твердо заявили: Курилы при любом развитии отношений между Россией и Японией должны оставаться **РОССИЙСКИМИ**. Однако, к сожалению, опрос показал, что лишь 54–55% опрошенных достаточно информированы по существу вопроса о том, кому принадлежит приоритет в первооткрытии и первоосвоении Курильских островов, как исторически решался вопрос об их государственной принадлежности и в чем суть современных японских подходов по этому вопросу. Не вдаваясь в детальный исторический анализ, отмечу, что вплоть до реформ Мэйдзи в 1867–68 гг., как свидетельствуют карты «Полного атласа Японии», не только Курилы, но и северный остров современной Японии Хоккайдо не входили в состав империи.

Курильские острова в соответствии с нормами международного права исконно принадлежали Российской империи. Жесты доброй воли по передаче южных Курил Японии в 1855 г. во имя установления добрососедских отношений и развития торговли, а затем, в 1875 г. и всех Курил в обмен на отказ японской стороны от претензий на Сахалин, были восприняты Японией отнюдь не адекватно: в результате Японско-русской войны 1904–1905 гг. Япония аннексировала южную часть принадлежавшего России Сахалина, в годы интервенции против Советской России, захватила и удерживала до 1925 г. и северную часть Сахалина, а также являлась союзницей фашистской Германии в годы Второй мировой войны.

Курильские острова окончательно возвращены России по факту безоговорочной капитуляции Японии 2 сентября 1945 г., что было подтверждено картой-приложением к Меморандуму № 667 командующего войсками союзных держав генерала Д. Макартура императорскому правительству от 29 января 1946 г. и Сан-Францискским мирным договором 1951 г.

Япония тем не менее постоянно муссирует тему о «северных территориях», более того, в 2009 г. официально провозгласила наши южные Курилы своей неотъемлемой частью. Однако и это еще далеко не все. Есть много свидетельств того, что реваншистские притязания к нашей стране южными Курилами отнюдь не ограничиваются. В мае 1988 г. по заказу японского правительства был подготовлен «Промежуточный отчет по исследованию внешней политики и комплексного обеспечения национальной безопасности».

«Япония, – говорится в нем, – должна продолжать требования о возврате всех северных территорий... Заключить японо-советский мирный договор после возвращения четырех северных островов. Япония должна также пытаться заключить японо-советский мирный договор, включая возвращение всех Курильских островов.

Объявить пункт с) 2-й статьи мирного договора с Японией, в котором утверждается, что Япония отказывается от Курил, недействительным». Т.е. ревизовать международный договор, под которым стоит подпись и самой Японии.

В правительственном документе «Белая книга по обороне Японии» «северные территории» обозначаются еще более фривольно. Начиная с первого выпуска за 1981 г., японские границы в них обозначаются севернее о. Итуруп, а «спорные территории» – до середины о. Сахалин и Камчатки.

Необходим твердый отпор любым поползновениям на российские территории.

Казаков Олег Игоревич,
заведующий Отделом наукометрии и информационных технологий
Института Дальнего Востока РАН

Об успехах въездного туризма в Японию и российско-японском взаимном туризме

С 2012 г. Япония демонстрирует стабильный рост иностранного въездного туризма. Если в 2011 г. из-за Великого бедствия на Востоке Японии, произошедшего 11 марта, зафиксировано годовое падение числа иностранных туристов на 27,8 %, то в 2012 г. их прирост составил 34,4 % (более 1,4 млн чел.), а в 2016 г. количество иностранных гостей превысило 24 млн чел. 4 ноября 2017 г. был побит рекорд 2016 г. – число иностранных туристов достигает нового рекордного уровня 5-й год подряд.

По официальному мнению, тенденция к увеличению иностранных туристов в Японии связана со смягчением визовых требований для граждан Китая и России, а также отчасти с большим числом авиарейсов из Южной Кореи и Гонконга.

Как представляется, Япония стала уделять дополнительное внимание привлечению в страну иностранных туристов в 2011 г., когда авария на АЭС «Фукусима-1» стала угрозой радиоактивного заражения, и многие иностранцы покинули Японию. Въездной туризм в Японии стал восприниматься не только как статья дохода, но и имиджевый фактор. С данной проблемой Япония в основном справилась. Другим важным фактором стала подготовка Японии к Олимпийским и Паралимпийским играм в 2020 г. в Токио. Цель Японии: годовое удвоение числа иностранных гостей к 2020 г. до 40 млн чел. Реализуя эту цель, Япония демонстрирует широкомасштабную и многоплановую работу по созданию комфортных условий как для участников и болельщиков ОИ-2020 в частности, так и для пребывания иностранцев в Японии в общем. Например, правительство Японии планирует упростить систему возмещения потребительского налога для зарубежных туристов, чтобы способствовать дальнейшему росту бесполошинной торговли. Оно прилагает усилия, чтобы удвоить ежегодное число иностранных посетителей 34-х национальных парков страны до 10 млн к 2020 г. и т. д.

Доля россиян в туристическом потоке в Японию мала – в 2016 г. она составляла 0,22 %. Однако ряд мер, нацеленных на увеличение поездок россиян в Японию, уже в 2017 г. принесла свои плоды: с января по сентябрь 2017 г. в Японию прибыло 54,4 тыс. туристов из России, что на 39,6 % больше, чем в аналогичный период 2016 г. Столько же россиян посетили Японию за весь 2016 г.

В свою очередь, в 2017 г. фиксируется некоторое увеличение японских туристов в Россию. Например, в 2017 г. вырос пассажиропоток между Сахалином и Хоккайдо, причём в 2017 г. более 1 тыс. граждан Японии посетили Курилы в рамках безвизовых обменов. Вероятной причиной тому стало двустороннее обсуждение вопросов совместного экономического освоения южных Курильских островов, что повысило интерес японцев к Сахалинской области в целом.

Несомненно, успешный опыт Японии создания в стране благоприятных условий для привлечения иностранных туристов может быть полезен и для России. Как представляется, в современном мире въездной туризм всё больше становится показателем привлекательности страны для иностранцев. Кроме того, неуклонное увеличение в

Японии китайских и южнокорейских туристов, к которым в самой Японии отношение сложное, способствует улучшению взаимопонимания на уровне «народной дипломатии». В свою очередь, это способствует созданию более благоприятной атмосферы для решения сложных региональных проблем, включая вопросы безопасности.

Катасонова Елена Леонидовна,

доктор исторических наук,

руководитель Центра японских исследований Института Востоковедения РАН

Япония и соперничество «мягких сил» в Восточной Азии

В последние годы большую популярность в мировой геополитике приобрела концепция «мягкой силы», выдвинутая в 1990 г. американским политологом Джозефом Наем. И хотя до сих пор нет единого ее определения, общий смысл понятия «мягкой силы» состоит в том, что сила и влияние страны на международной арене изменяются не только количеством боеголовки и экономической мощью, но и политическими и культурными достижениями.

Дж. Най, развивая эту теорию, пишет в своей статье «Эффект мягкой силы» о том, что в XXI в. мир может претерпеть два типа изменения. Первый – «перемещение силы» – изменение соотношения сил между государствами, а конкретнее – «переход влияния от Запада к Востоку». Второй тип – «рассеивание силы», что означает «переход силы, будь то на Западе или на Востоке, от государств к негосударственным институтам». При этом, конкретизируя процесс перемещения мягкой силы от Запада к Востоку, американский политолог предсказывает «подъем Азии», выделяя, в первую очередь, большие потенциальные ресурсы «мягкой силы» Японии³.

Наряду с другими факторами, один из самых главных ресурсов «мягкой силы» - это глобальное влияние в мире и, прежде всего, в азиатских странах японской поп-культуры, начиная с комиксов-манга, анимационных фильмов-анимэ, кино, поп-музыки, моды, кухни и т.д. Правда, несмотря на впечатляющие успехи Японии в этой области, на большие средства, вкладываемые в реализацию известного проекта «CoolJapan» и т.д., страна по силе своего «мягкого воздействия» пока еще явно отстает от США, Великобритании и др.

Это свидетельствует о существующих пределах, сдерживающих дальнейшее продвижение японской «мягкой силы» в мире. И один из них – это стремительно растущая конкуренция со стороны ее ближайших соседей – Китая и Республики Корея.

В последние годы мы наблюдаем стремительное распространение корейской культуры в мире, инициированное и спонсированное правительственными и частными структурами страны и получившее название «корейской волны». «Корейская волна» - своеобразная альтернатива японскому проекту «CoolJapan», поднялась в конце 1990-х гг. Сначала вестниками и проводниками этой волны были теле-драмы и художественные фильмы, а также популярная музыка – К-Поп, вызвавшие в других странах, включая Японию, настоящий культурный бум. А сегодня это понятие уже предполагает и иностранный туризм, и модную одежду, и сувенирную продукцию, и национальную кухню, а также многое другое, что сделано в Южной Корее и работает на ее «мягкую силу». Новый подъем «корейской волны» сегодня связывают, прежде всего, с предстоящими зимними Олимпийскими играми в Пхёнчхане в 2018 г. Корея уже имеет весьма позитивный опыт проведения летних Олимпийских игр в Сеуле в 1988 г., после чего был зафиксирован небывалый взлет популярности страны и ее культуры в мире.

---

³ <http://intopic.com/ru992/>

Ожидают, что прибыль, которую получит Корея от зимней Олимпиады 2018 г., в пять раз превысит финансовую результативность Олимпиады в Сеуле, не говоря уже о таких категориях, как имидж страны, который трудно измерить какими-либо цифрами. Правда, по иронии судьбы, практически следом за этим, летние Олимпийские игры 2020 г. пройдут в Токио, и соперничество двух держав в этой области вновь достигнет небывалого накала.

Не менее целенаправленно, чем Республика Корея рост «мягкой силы» в странах региона демонстрирует в последнее время и современный Китай. Взяв за основу концепцию Ная, китайские теоретики сразу приступили к разработке собственных постулатов международных отношений, сделав особый акцент на пропаганде национального духовного и художественного наследия. Эта задача сегодня возложена на так называемые Институты и классы Конфуция – культурно-образовательные центры по обучению китайскому языку и ознакомлению с традиционной китайской культурой. Пожалуй, это – самый успешный и перспективный проект в политике «мягкой силы» Китая. Начав с Республики Корея и стран Азии, китайцы вскоре внедрили это культурное начинание в более, чем 100 стран мира. Правда, по мнению экспертов, позитивные оценки влияния Китая пока еще можно встретить лишь в Африке и Латинской Америке, тогда как в Америке, США, Японии и Южной Корее преобладают негативные отклики.

Как будут развиваться события в Восточной Азии - покажет время, но сегодня можно определенно утверждать, что путь к региональному лидерству лежит, в том числе, через развитие «мягкой силы» стран, и что своими «мягкими силами» в обозримом будущем предстоит побороться Японии, Китаю и Южной Корее.

Киреева Анна Андреевна,

кандидат политических наук,

доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России

Японо-китайские отношения и трансформация японской стратегии по отношению к Китаю

Отношения Китая и Японии предопределяются статусом ключевых региональных держав и центров силы в Восточной Азии и сосуществованием тенденций стратегического соперничества и сотрудничества одновременно. Несмотря на тесную экономическую взаимозависимость, отношения Китая и Японии в сфере политики и безопасности характеризуются все большим превалированием стратегического оппонирования. Несмотря на встречи С. Абэ и Си Цзиньпина в 2014, 2016 и 2017 годах, направленные на нормализацию отношений, серьезного снятия напряженности не произошло.

Территориальный спор по поводу островов Сэнкаку/Дяоюйдао в Восточно-Китайском море превратился из одного из факторов двухсторонних отношений в главную проблему безопасности, в особенности для Японии. Японский истеблишмент все больше воспринимает «агрессивные действия» Китая в Восточно-Китайском море как угрозу безопасности и связывает их с действиями Китая в Южно-Китайском море. В ответ Япония стремится сформировать своеобразную «коалицию желающих» для сдерживания «агрессивного поведения» Китая в ЮКМ.

Значимой частью внешнеполитической доктрины С. Абэ является акцент на продвижении регионального порядка, «основанного на международном праве», оппозиция изменению статус-кво в регионе и стремлению создать «свободный и открытый» порядок в Индо-Тихоокеанском регионе, в том числе с помощью усиления сотрудничества в четырехугольнике США-Япония-Австралия-Индия.

Реинтерпретация Конституции в части разрешения права на коллективную самооборону и принятие новых Руководящих принципов военно-политического альянса с США в 2015 году также связываются с необходимостью реагировать на усиление Китая и его более жесткую политику в регионе. Эти изменения свидетельствуют о постепенном переходе Японии от стратегии «перестраховывания» (hedging) к стратегии балансирования – мягкого с помощью укрепления отношений со странами на периферии Китая, также озабоченными его возвышением, и жесткого – наращивания военной мощи, направленной на предотвращение достижения Китаем возможности anti-access/areadential.

Победа С. Абэ на выборах в Японии и его стремление внести поправки в Конституцию, консолидация власти в КНР у Си Цзиньпина и выдвижение курса на создание «великой современной социалистической страны» на XIX съезде КПК, подчеркивают расхождение стратегических курсов обеих стран и усиление тенденции к стратегическому соперничеству. Данные тенденции имеют негативное влияние на безопасность в Восточной Азии и делают действия обеих стран опасными с точки зрения дестабилизации ситуации в регионе.

Кистанов Валерий Олегович,

доктор исторических наук, кандидат экономических наук,

руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН

Некоторые особенности политики Японии в Восточной Азии

Япония в послевоенный период внесла большой вклад в развитие Восточной Азии. В настоящее время этот регион становится для нее жизненно важным районом мира, как в экономическом, так и политическом плане. Значимость Восточной Азии для Японии значительно повысилась с учетом появления в этом регионе таких важнейших факторов, как возвышающийся Китай и набирающая экономическую мощь и военную силу АСЕАН. Безопасность Японии самым тесным образом связана с Корейским полуостровом. Очевидно, что дальнейшая роль и место Японии в мире во многом будут зависеть от состояния политических и экономических отношений Японии со странами Восточной Азии.

Одним из важнейших факторов, определяющих взаимодействие Японии со странами Восточной Азии, являются особенности развития ее внутривосточной ситуации. Усиление в Японии в последние годы правоконсервативных сил во главе с нынешним премьер-министром Синдзо Абэ создает благоприятные условия для продвижения по пути усиления военной составляющей во внешнеполитической стратегии Токио.

Под предлогом элиминирования вызовов своей безопасности в Восточной Азии Токио взял курс на дальнейшее укрепление военного союза с Вашингтоном. Баланс противоречий и сотрудничества между Японией и Китаем во многом будет формировать политический ландшафт и экономическую среду не только в Восточной Азии, но и во всем АТР.

Наряду с так называемой угрозой со стороны Китая, наращивающего свой военный потенциал и военно-морскую активность, самым большим вызовом собственной безопасности Япония считает ракетно-ядерный потенциал Северной Кореи.

В последние годы в Азии происходят коренные структурные сдвиги в сфере, как экономики, так и политики. В частности, это проявляется в перебалансировке взаимоотношений трех азиатских держав – Китая, Японии и Индии. На военно-политическую ситуацию не только в Восточной Азии, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона, как очевидно, в обозримом будущем во все возрастающей степени будет играть расстановка сил в треугольнике, состоящем из таких ведущих держав Восточной Азии, как Россия, Япония и Китай.

Несмотря на существенное охлаждение отношений России с США и другими ведущими государствами Запада, наложившими санкции на Россию по поводу Крыма и Украины, 2016 и 2017 гг. ознаменовались заметным сближением России и Японии в политической и экономической областях. Однако решение существующей между ними территориальный спор, перспективы которого пока неясны, делает туманной и перспективу заключения российско-японского мирного договора.

Коростелева Мария Олеговна,
старший преподаватель
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Воздействие политических событий на экономические взаимосвязи Японии и КНР

В Восточной Азии сформировалась ситуация, которая, похоже, противоречит либеральным теориям мира: экономические отношения между странами активно развиваются несмотря на достаточно серьезный уровень политической напряженности и даже на фоне периодически обостряющихся конфликтов. Ярким примером являются японо-китайские отношения.

Для оценки влияния политического фактора на экономическое взаимодействие Японии и КНР мы рассматриваем динамику хозяйственных связей после наступления негативных политических событий. Под негативными политическими событиями имеются в виду происшествия, высказывания, визиты или решения официальных лиц одной страны, которые затрагивают чувствительные для другой стороны вопросы.

В данном докладе воздействие политических событий на японо-китайские экономические связи разделяется на прямое и опосредованное. Прямое воздействие наблюдается в тех случаях, когда в ответ на негативное политическое событие власти принимают жесткие административные меры, нацеленные на ограничение экономического обмена. Такими мерами были введение обеими сторонами высоких импортных пошлин на продукцию друг друга во время «торговой войны» в 2001 г., временная заморозка, сокращение объемов и прекращение выплат официальной помощи развитию (ОПР) Китаю в 2000-2004 гг., ограничение поставок редкоземельных металлов из КНР в Японию начиная с 2010 г. Можно отметить, что с начала XXI в. случаев, когда политизированные решения японского или китайского руководства создавали препятствия для развития двусторонних экономических отношений, было относительно немного. Это демонстрирует сохраняющиеся намерения обеих сторон разделять экономику и политику. Второе обстоятельство, которое следует отметить: в перечисленных эпизодах проигравшей стороной выступает Япония. Это свидетельствует об асимметричной экономической зависимости в японо-китайских отношениях.

Негативный новостной фон может оказывать влияние на динамику экономических взаимосвязей Японии и КНР опосредованно: в таком случае решение о приостановке, сокращении, изменении форм или прекращении сотрудничества с иностранным партнером принимают частные компании. Опосредованное воздействие по-разному проявляется в краткосрочном и среднесрочном периоде. В краткосрочном периоде негативные новости вызывают реакцию у компаний-импортеров, и они временно сокращают объемы закупок. Это сказывается на динамике товарооборота, но не сразу, а с временным лагом примерно в 5 месяцев. Однако, как только политическое событие уходит в прошлое, объемы торговых потоков восстанавливаются.

В среднесрочной перспективе негативные политические события побуждают частные компании корректировать свою инвестиционную стратегию. Так, после обострения территориального конфликта в 2012 г. наблюдается снижение объемов японских прямых инвестиций в китайскую экономику как в абсолютном, так и в

относительном выражении. О настороженном отношении инвесторов и потенциальных инвесторов из Японии к ситуации в Китае свидетельствуют и результаты опросов JETRO: в 2012-2015 гг. в числе главных рисков на китайском направлении называлась нестабильная политическая обстановка.

На основании рассматриваемого материала можно также сделать вывод о том, что в первой декаде XXI в. негативные политические события в основном оказывали влияние на формат сотрудничества между экономическими агентами из двух стран, а во второй декаде возросла интенсивность политических трений, и конкретные события уже могут привести к сокращению или даже прекращению сотрудничества в некоторых, пока немногочисленных, сферах.

Крячкина Юлия Александровна,
научный сотрудник Центра Азии и АТР
Российского института стратегических исследований (РИСИ)

Северокорейский фактор в политике Японии

Сегодня Северная Корея остается единственным государством в системе международных отношений в Северо-Восточной Азии, с которым у Японии не установлены дипломатические отношения. Проблемными для отношений двух государств до сих пор остаются вопрос о похищенных гражданах, который за период начала 2000-х решился лишь частично, и развитие ракетно-ядерной программы КНДР.

Сегодня Япония демонстрирует довольно жесткую линию поведения в отношении северокорейского руководства и призывает остальные страны придерживаться аналогичной линии. Таким образом, Токио реализует как собственные военно-политические амбиции в регионе, так и в гораздо большей степени, нежели Сеул, следует в фарватере американской политики в отношении КНДР.

Жесткая риторика Японии в ответ на ракетно-ядерные испытания в КНДР в основном строится на призывах к необходимости расширения санкций в отношении Пхеньяна и укрепления японской обороноспособности. Токио ведет одну из наиболее последовательных санкционных линий в отношении КНДР. Это выражается в активных призывах к международному сообществу о введении санкции и разработке собственного санкционного пакета в отношении Пхеньяна (прекращение транспортного сообщения, визовые ограничения, санкции в отношении физических и юридических лиц, ведущих дела с КНДР). В последнее время Токио все чаще в своей риторике указывает на необходимость усиления давления на КНДР со стороны России и Китая.

На фоне очередного обострения ситуации в начале сентября 2017 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил о необходимости укреплять и наращивать потенциал ПРО. В частности, было заявлено о закупках у США двух комплексов наземной системы ПРО Aegis Ashore (в дополнение к уже имеющимся у Японии четырем крейсерам УРО, оснащенным системой Aegis). Хотя эти планы озвучивались в Токио и раньше, обострение ситуации на Корейском полуострове способствовало активизации процесса наращивания военного потенциала Японии. Кроме того, министр обороны Японии Ициунори Онодэра еще до своего назначения 3 августа 2017 г. инициировал разработку законопроекта, разрешающего нанесение превентивных ударов по противнику со стороны Японии, что сейчас запрещено внутренним законодательством.

В результате же досрочных выборов в нижнюю палату парламента в октябре 2017 г., премьер С. Абэ и ЛДП фактически получили народное одобрение на продолжение реализуемой политики в отношении Пхеньяна, что было широко растиражировано в СМИ.

Кузьминков Виктор Вячеславович,
PhD, старший научный сотрудник Центра японских исследований
Института Дальнего Востока РАН

Российское направление во внешней политике С. Абэ в 2013–2017 гг.

16 декабря 2012 г. на внеочередных выборах победила Либерально-демократическая партии Японии (ЛДП) во главе с Синдзо Абэ, который 26 декабря вновь занял пост премьер-министра Японии. Сразу после назначения на должность премьер-министра Японии С. Абэ заявил о готовности улучшить российско-японские отношения.

Особое влияние на мотивацию премьер-министра С. Абэ нормализовать российско-японские оказали два фактора. Первый – это личная заинтересованность в силу семейной традиции. Второй – проблема военной безопасности.

29–30 апреля 2013 г. премьер-министр С. Абэ посетил Москву. Это был первый официальный визит главы японского правительства в Россию за десять лет. По итогам саммита был подписан ряд меморандумов об экономическом сотрудничестве в различных областях, в том числе о создании Российско-японской инвестиционной платформы. Важным результатом стало решение об учреждении фонда поощрения частных японских инвестиций в российскую экономику. Принципиально новым моментом стал предложенный японской стороной новый формат консультаций министров иностранных дел и министров обороны (формат «2+2»).

2 ноября 2013 г. в Токио состоялась первая российско-японская встреча в формате «2+2». На которой стороны обсудили вопросы двустороннего сотрудничества в сфере безопасности. 7 февраля 2014 г. сразу после завершения своей речи на собрании участников «движения за возвращение северных территорий», С. Абэ отправился в аэропорт, откуда вылетел в Сочи на церемонию открытия XXII зимних Олимпийских игр. Тем самым японский премьер-министр стремился укрепить доверительные отношения с президентом России. Это было особенно важно в условиях политического бойкота церемонии открытия игр лидерами ряда западных стран, включая США и Великобританию.

Однако в марте 2014 г. в ответ на присоединение Крыма к России, Япония как член «большой семёрки» была вынуждена присоединиться к антироссийским санкциями. Несмотря на то, что японские санкции носили чисто символический характер, сам факт выступления Японии на стороне Запада серьёзно осложнил взаимоотношения с Россией.

Для восстановления прежнего уровня российско-японских отношений от японской стороны требовались решительные действия. В мае 2016 г. премьер-министр С. Абэ посетил Сочи с рабочим визитом. Особенно важным был международно-политический контекст этого визита. Дело в том, что визит состоялся накануне саммита «большой семёрки» в Исэсима и вопреки позиции тогдашнего президента США Б. Обамы, настойчиво советовавшего японскому коллеге воздержаться от посещения России. Не менее важное значение имело предложение С. Абэ о расширении экономического сотрудничества, конкретным содержанием которого стала «программа из восьми

пунктов». Тем самым японская сторона явно намеревалась использовать заинтересованность российского руководства в развитии Дальнего Востока.

Традиционно не осталась без внимания проблема заключения мирного договора. С целью форсировать зашедшие в тупик переговоры, С. Абэ предложил «новый подход, свободный от идей прошлого». До сих пор его содержание не раскрыто, но в любом случае «новый подход» не означал отступление от официальной позиции Японии, согласно которой подписание мирного договора возможно только после определения принадлежности всех четырёх островов. Иначе говоря, это был тактический шаг японской стороны, которая рассчитывала путём экономического сотрудничества и интенсивного политического диалога на высшем уровне создать благоприятную атмосферу для принятия политического решения по территориальному вопросу. Таким образом, рабочий визит С. Абэ в Сочи стал частью тщательно выверенной стратегии, направленной на восстановление доверительных отношений. Расчёт делался на то, что действия Токио будут восприняты как выпадающие из общего консолидированного антироссийского фронта Запада.

Кульминацией политики Абэ на российском направлении должен был стать визит российского президента в Японию. Японская пресса наперебой обсуждала количество островов, которые Путин якобы согласится «вернуть» во время своего визита. Однако прошедший в Японии 15–16 декабря 2016 г. российско-японский саммит не принёс ожидаемых результатов – слишком велики были надежды японской стороны на прорыв в решении территориального вопроса.

Вместо традиционного политического заявления сторон, где бы в любой форме был отражён их главный итог, стороны сделали специальное Заявление для прессы, в котором выразили консолидированное мнение о том, что «важным шагом на пути к заключению мирного договора может стать начало консультаций о совместной хозяйственной деятельности России и Японии на южных Курильских островах».

Идея совместной хозяйственной деятельности не новая – в той или иной степени она неоднократно обсуждалась ранее, но оказалась невостребованной из-за отсутствия консенсуса по вопросу правовой базы. Предложение разработать специальный международно-правовой режим сотрудничества на южных Курилах без компромисса со стороны России в отношении её суверенитета вряд ли реализуемо. К тому же японская сторона не скрывала, что совместная хозяйственная деятельность на островах должна открыть дорогу к их «возвращению».

18 марта 2017 г. в Токио состоялся первый раунд консультаций по совместной хозяйственной деятельности на уровне заместителей министров иностранных дел, во время которых стороны обменялись своими предложениями, многие из которых совпали. Прежде всего это были такие направления как рыболовство, туризм, здравоохранение и экология.

20 марта 2017 г. в Токио состоялась вторая встреча в формате «2+2». На встрече стороны обменялись мнениями по проблеме поддержания безопасности в регионе. Российская сторона высказала мнение, что излишнее присутствие американских вооружённых сил и развёртывание глобальной ПРО США осложняют ситуацию в регионе. Японская же сторона видела проблему в наращивании военного потенциала Китая и концентрации его военно-морских сил в Юго-Восточном и Восточно-Китайском

морях. Встреча показала, что у России и Японии разное понимание того, что является источником угрозы безопасности в регионе.

27 апреля 2017 г. состоялся визит премьер-министра С. Абэ в Москву. В отличие от визита в Японию президента В. Путина в декабре 2016 г., который неоднократно откладывался и увязывался с возможностью неких прорывных решений, апрельская поездка японского премьера в Москву прошла заметно спокойнее, не вызвав повышенного внимания в СМИ. Стороны договорились «сформировать перечень приоритетных проектов», а также «с целью изучения конкретных возможностей взаимодействия организовать поездку на южные Курилы группы японских чиновников и бизнесменов».

В соответствии с договорённостями глав государств России и Японии в конце июня – начале июля южные Курилы впервые посетила делегация из 70 японских чиновников и бизнесменов. Вместе с представителями сахалинской администрации они осмотрели различные объекты с целью конкретизации проектов, которыми японский бизнес мог бы заниматься на островах. В августе состоялся второй раунд переговоров между заместителями министров иностранных дел, в рамках которых был определен перечень приоритетных проектов.

7 сентября 2017 г. во Владивостоке на полях саммита ВЭФ прошла российско-японская встреча на высшем уровне. Стороны утвердили пять перспективных областей сотрудничества на южных Курилах: аквакультура, ветроэнергетика, создание тепличных хозяйств, утилизация мусора, разработка пакетных туристических туров. Однако сторонам так и не удалось достичь согласия в отношении правового режима, на основе которого они будут осуществлять совместную хозяйственную деятельность на островах.

Впрочем, идея создания специального международно-правового режима на южных Курилах была неосуществима с самого начала. Именно поэтому стороны решили сначала обсудить перечень перспективных областей сотрудничества. К тому же со временем необходимость скорейшего наращивания поставок российского газа на восточном направлении перестала быть столь очевидной. Что же касается экономических проектов, то в отличие от Токио, в Москве их рассматривают исключительно как коммерческие, не являющиеся ни помощью, ни политическим шагом навстречу со стороны Японии.

Москва готова развивать совместные экономические проекты со всеми странами региона в том числе на Курильских островах, о чем свидетельствует решение о создании ТОР «Курилы» на острове Шикотан, подписанное премьер-министром Д. Медведевым накануне визита премьер-министра С. Абэ во Владивосток.

Таким образом, можно сделать вывод, что «новый подход» С. Абэ, рассматривающий экономическое сотрудничество как аванс за будущие политические уступки, не работает. Прежде всего это связано с асимметричностью позиций и интересов сторон. Ключевое место в политике Японии на российском направлении продолжает занимать территориальный вопрос. Даже если это не произносится вслух, в сознании японского истеблишмента присутствует негласная увязка любых шагов на российском направлении с решением территориального вопроса на японских условиях.

В свою очередь, российское руководство заинтересовано в расширении экономического сотрудничества с Японией, но без увязки с какими-либо политическими обязательствами. Территориальный вопрос в глазах Москвы выглядит решённым по итогам Второй мировой войны и речь может идти только об условиях использования, в

том числе совместного, тех или иных территорий при условии сохранения российского суверенитета.

Значительные расхождения позиций сторон наблюдаются также в сфере безопасности. Россия считает, что развёртывание ПРО США на Дальнем Востоке и наращивание Японией своего военного потенциала непропорционально «северокорейской угрозе» и априори несёт угрозу российским интересам и безопасности. С целью сохранения военного паритета Россия будет продолжать перевооружение и усиление своих вооружённых сил на Дальнем Востоке. В свою очередь это будет вызывать недовольство Японии и подпитывать её недоверие к России.

Принципиальная разница взглядов и интересов сторон применительно к диалогу на высшем уровне существенно ограничила его возможности и эффективность. Кроме того, японская сторона явно переоценила возможности личной дипломатии, роль которой в межгосударственных отношениях не имеет столь весомого значения. В результате личностная дипломатия С. Абэ на российском направлении не привела к существенным изменениям в позиции России по принципиальным вопросам.

Лещенко Нелли Федоровна,

кандидат исторических наук,

ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН

Непрочитанные страницы в истории российско-японских отношений. Конец XIX—начало XX вв. (По работам Д. М. Позднеева)

Большинство проблем в межгосударственных отношениях имеют свои исторические корни. Это наглядно демонстрируют российско-японские отношения. Проблема, связанная с Курильскими островами, обозначилась уже при подписании первого русско-японского договора в 1855 г., установившего межгосударственные отношения между странами. И территориальный вопрос в дальнейшем превратился в камень преткновения в русско-японских отношениях. В опубликованной в 1925 году работе «Япония. Страна, население, история, политика» Д. М. Позднеев так писал об этом: «Цусима (1000 островов) (орф. ориг) , или Курильская группа известны благодаря дипломатической борьбе между Японией и Россией за их обладание, закончившейся договором 1875 г., по которому Япония отказалась от своих претензий на южную часть о. Сахалина и получила взамен этого Курильские острова... Этот обмен был колоссальным и грубым промахом прежней царской дипломатии.» По мнению ученого, Россия лишилась свободы действий в дальневосточных водах, а главное, выхода в океан, он предугадал трудности в решении этой проблемы в будущем.

В работе Д. М. Позднеева, написанной и изданной в Японии в 1909 г., «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материку Азии и России» содержится много сведений. И стоит обратить внимание на такой вывод автора: «Определить, что в жизни Дальнего Востока важнее: движение ли сюда России, пробуждение Китая или возникновение новой великой державы-Японии, представляется положительно недоступным для обыкновенного человеческого ума. Но, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что этими тремя факторами главным образом определяется ныне и будет еще надолго определяться жизнь прилегающих к западному побережью Тихого океана стран. Однако, каковы бы ни были грядущие формы политических отношений держав на Дальнем Востоке, остается незыблемо верным одно положение--необходимость изучения ими (Россией и Японией – *Н.Л.*) друг друга. Для полного же знания всякого вопроса, касающегося любого государства, необходимо изучение его географии и истории». Прогноз ученого оправдался.

Лобов Роман Николаевич,
аспирант ИДВ РАН

Взаимоотношения между Республикой Корея и Японией: на политическом перепутье

9 мая 2017 г. в Республике Корея состоялись досрочные выборы по итогам которых новым президентом страны стал представитель политической оппозиции, кандидат от «Демократической партии «Тобуро» Мун Чжэин. 10 мая президент РК получил полномочия президента страны. Так началась новая страница в современной политической истории Кореи и новый этап в южнокорейской внешней политике.

Новый президент страны оказался перед лицом непростого, противоречивого внутри- и внешнеполитического наследия его предшественницы, впервые в истории Кореи отстраненной от власти в результате импичмента.

Логика политического процесса в РК такова, что в течение первого года своего президентского срока, новый президент страны формирует управленческую команду и формулирует ключевые основы своей внешней политики. Вполне естественно, что важной частью внешнеполитической программы неизбежно становятся проблемы взаимоотношений Сеула с «большой четверкой» – США, Китаем, Россией и Японией. В конце президентского срока Пак Кынхе было распространено убеждение, что отношения Сеула с «большой четверкой» были испорчены. Самый большой урон понесли японо-южнокорейские отношения, оказавшиеся в заложниках политизации исторического прошлого двух стран. Политический диалог на высшем уровне был заморожен, единственная за все время официальная встреча глав государств РК и Японии состоялась в ноябре 2015 г., в рамках трехстороннего саммита. С другой стороны, была предпринята попытка решить проблему женщин утешения, не один год будоражащую южнокорейскую общественность.

В этой связи возникает закономерный вопрос: на чем сосредоточится новый президент РК при осуществлении своей внешнеполитической линии? Продолжится ли эксплуатация проблемы исторического прошлого во взаимоотношениях двух стран? Сигналы из Сеула приходят самые разные: с одной стороны, характерной чертой внешнеполитического курса Мун Чжэина стало стремление к урегулированию проблем во взаимоотношениях с ключевыми партнерами. Ощутимо изменилась политическая риторика. С другой, - оппонирование расширению сотрудничества с Японией, скажем, в военно-политической сфере, не исчезло.

Малашевская Мария Николаевна,

кандидат исторических наук,

старший преподаватель кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки

Санкт-Петербургского государственного университета

Японо-монгольское сотрудничество в социально-экономической области в 2000-2010-е гг. (на примере создания «умных городов» и продвижения проектов выработки «чистой энергии»)

Японо-монгольское сотрудничество в социально-экономической области в начале 21 века демонстрирует ощутимую динамику развития. Существует расхожее мнение, что данный процесс связан с заинтересованностью Японии в получении дополнительного источника поступления природных ресурсов, которыми располагает Монголия и что именно этот аспект является преобладающим в развитии двухсторонних экономических связей. Однако связи в социальной сфере, внедрение инновационных проектов на территории Монголии, привлечение японских студентов для обучения в японских вузах заставляет задуматься о более сложной структуре двухсторонних отношений, базирующихся не только на прагматических интересах, но и идеациональных мотивах. В настоящем докладе будут затронуты только несколько аспектов данного сотрудничества, а именно 1. развитие проектов по созданию SmartCity; 2. внедрения проектов по выработке «Чистой энергии».

1. Реконструкция Улан-Батора в SmartCity. В данном пункте будет рассмотрена концепция «умных городов», которая активно имплементируется развитыми и развивающимися странами мира в глобальном масштабе в течение последних 20 лет. «Умные города» появляются в Японии, и самыми яркими примерами служат Токио (Программа реконструкции КоикэЮрико), Ёкогама, Тоёта, Кэйханна, Китаюсю. Во втором десятилетии 21 века Япония последовательно экспортирует smart-технологии в первую очередь в Азию. Отметим, что в smart-реконструкции Улан-Батора участвует не только японский капитал, который привлекается агентствами JETRO и JICA, но и привлекаются инициативные представители бизнеса и муниципалитетов на уровне регионов (например, Хоккайдо - Улан-Батор). Япония испытывает конкуренцию китайских и южнокорейских компаний, участвуя в проекте с начала 2010-х гг., и избрала для себя модель частичной вовлеченности в реконструкции выборочных объектов, которые и будут рассмотрены в докладе.

2. Программа выработки «Чистой энергии». Японские компании вовлечены в проекты создания ветряных парков по проектам в районе Цэций и Хурмэн на территории Монголии. Данная программа разворачивается в рамках стратегии «Чистая энергия в Азии», продвигаемая на многосторонней основе, Япония является одним из основных инвесторов, технологическим донором. Ведущую роль в реализации проектов Цэций и Хурмэн играют JICA, прибегающие к использованию ОПР и привлекающий японский крупный бизнес к данной деятельности в 2000 – 2010-х гг. В докладе мы рассмотрим историю реализации и мотивы участия японских компаний в данных проектах.

В качестве вывода относительно рассмотренных точек двухстороннего сотрудничества можно говорить об укреплении и дальнейших перспективах японо-монгольского партнерства, хотя очевидно, что два участника процесса не являются

равнозначными с точки зрения экономического и международно-политического потенциала. На опыте реализации указанных социально-экономических проектов можно говорить о расширении инструментария японской внешней политики, далеко выходящей за рамки классической дипломатии, внешнеторговой деятельности и прочно вписывающейся в стратегию внешней и внутренней политики, направленной на устойчивое развитие, реализацию экологической и культурной дипломатии, применение многосторонней и многоуровневой региональной дипломатии на основе принципов «мягкой силы».

Список последних публикаций:

1. М.Н. Малашевская. Mongolia in Japan's Eurasian Policy (1997–2017) // Японские исследования. 2017, № 3. Р. 85 – 99;
2. Малашевская М.Н. Евразийский вектор политики Японии // Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2016 г. / гл. ред. В.Н. Колотов. – СПб.: Изд-во «ИПК НП-Принт», 2017. С. 425 – 446;
3. Исследование пограничных конфликтов в Евразии по материалам японского журнала *EurasiaBorderReview* // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 81 – 89;
4. Малашевская М.Н. Традиционные механизмы в японской дипломатической практике на примере российско-японских переговоров в 1990-е гг. // Азия и Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, А. С. Матвеев. Т. 1. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. pp. 378 – 380;
5. Малашевская М.Н. Современное кавказоведение в Японии // Япония: мир-традиции-перемены. ["Issues of Japanology" = Вопросы японоведения № 6]. СПб: Лема, 2016. С. 332 – 343.

Мартынова Марина Юрьевна,

доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений Российского государственного социального университета

Никипорец-Такигава Галина Юрьевна,

кандидат филологических наук, профессор Кембриджского университета, декан Гуманитарного факультета, заведующая кафедрой политологии и международных отношений Российского государственного социального университета

Взаимоотношения России и Японии: современные вызовы и прогнозы

Среди японоведов и других специалистов в области зарубежного регионоведения и международных отношений сложилось устойчивое понимание того, что «к настоящему времени России и Японии удалось создать новые отношения, которые по широте, глубине и интенсивности контактов не имеют аналогов во всей истории двусторонних связей. Они развиваются практически во всех сферах - политической, экономической, военной, правовой, экологической» (Шаклеина, 2017, с.508-509). Причем, по свидетельству экспертов, наметившийся «тренд в сторону потепления российско-японских отношений всё активнее проявляет себя как самостоятельный фактор международной политики» (Стрельцов, 2017).

Исследователи сходятся во мнении, что «обе страны не имеют нерешенных проблем исторического прошлого, подобных тем, что существуют в отношениях Токио с Пекином или Сеулом. Позиции России и Японии по всем основным проблемам международной политики близки либо полностью совпадают. Обе наши страны, хотя и не причисляют друг друга к числу политических союзников, не рассматривают друг друга как военную угрозу (Стрельцов, 2017).

Одним из факторов «потепления» в отношениях эксперты называют договоренность о совместной экономической деятельности на Курилах.

Несмотря на осторожность в прогнозах перспектив сотрудничества между двумя странами из-за стремления Японии получить от России четыре острова Южных Курил (Кистанов, 2017) многие эксперты считают, что Россия и Япония смогут выработать формулу сотрудничества, при которой вопрос о территориях будет отделен от экономического взаимодействия (Михеев, 2017).

В целом, сближению двух стран способствует и объективный процесс изменения баланса сил в мире, в рамках которого происходит относительное ослабление региональной и глобальной роли обеих стран. В Токио воспринимают военный и политический подъем Китая в качестве геополитического вызова, что заставляет его рассматривать хорошие отношения с Москвой в качестве определенного балансирующего инструмента в отношениях с Пекином.

Среди источников консолидации усилий двух стран – угрозы военного характера (например, периодически обостряющаяся ситуация на Корейском полуострове в связи с проведением Пхеньяном испытаний ядерного оружия), а также невоенного - терроризм, кибербезопасность, экологический кризис, борьба с последствиями стихийных бедствий.

Эволюция российско-японских отношений накладывает серьезный отпечаток на развитие восточно-азиатского региона, формирует новые векторы мирового и регионального сотрудничества.

Эти отношения способствуют формированию новой, «постзападной» модели международных отношений, которая максимально учитывает разнообразие интересов акторов, позволяет смягчать или нивелировать конфронтацию между ними, что способствует стабилизации мировой системы в целом, а также региональных и страновых сегментов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кистанов, В. Токио нацелился на все четыре острова Южных Курил. Информация получена (28.06.2017) 28.06.2017 с (Сайтгазеты «Звезда»).https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201706281159-lxzz.htm
2. Михеев, В. Пусть Япония и Китай ревнуют друг друга, а мы на этом сделаем дивиденды. Информация получена (14.05.2017) 14.05.2017 с (канал Царьград) https://tsargrad.tv/news/miheev-pust-japonija-i-kitaj-revnujut-drug-druga-a-my-na-jetom-sdelaem-dividendy_61056
3. Стрельцов, Д. et al. Внешнеполитический процесс на Востоке. Москва: Издательство Аспект Пресс. 2017.
4. Шаклеина, Т. et al. Внешняя политика России. 1991-2016. Москва: МГИМО-Университет. 2017.

Милеев Дмитрий Александрович,
научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока
Института востоковедения РАН

Проблема обеспечения безопасности Японии в АТР на современном этапе

Проблема обеспечения безопасности Японии становится все более сложной и требующей постоянных усилий в связи с ростом напряженности в отношениях государств региона. В 2017 г. произошла серьезная эскалация ситуации на Корейском полуострове. КНДР продемонстрировала дальнейшее продвижение в разработке ядерного оружия и баллистических ракет, что создало серьезную и насущную угрозу безопасности Японии. Другим важным фактором, дестабилизирующим обстановку в АТР, является соперничество за лидерство между США и КНР, которое с каждым годом ведется с нарастающим напряжением, сопровождающимся интенсивной гонкой морских вооружений и сдерживанием Китая. Подобное положение дел приводит к тому, что американские союзники и, прежде всего, Япония оказываются перед необходимостью участвовать в коллективных действиях в рамках стратегии Вашингтона по сдерживанию Пекина, что в свою очередь ставит под удар сохранение и развитие тесных контактов с КНР в экономической сфере, которые имеют гигантские объемы.

Оборонная политика Японии помимо развития собственного оборонного потенциала базируется на принципе опоры на японо-американский союз, который в ходе переговоров с американской стороной в 2017 г. С. Абэ смог укрепить. В завершающей стадии находится выполнение Среднесрочного плана оборонного строительства (на 2014-2018 гг.), принятого в декабре 2013 г. с учетом «Основной программы национальной обороны», в соответствии с которым происходят реформирование базовой структуры соединений ССО, модернизация и закупка современных вооружений. Однако приложенные Японией усилия в военной сфере не достаточны для эффективного сдерживания КНР, поэтому углубление японо-американского альянса остается приоритетной задачей японской дипломатии. Президент Д. Трамп продвигает идею о формировании Индо-Тихоокеанского региона в качестве своеобразного бастиона свободного мира против континентального Китая на основе сотрудничества США, Японии, Австралии и Индии. Это предложение требует глубокого анализа, поскольку помимо усиления позиций Японии расширяет и поле потенциальных угроз для Токио. Япония в виду недостаточных возможностей по обороне островов от ракетного нападения, несмотря на принятые меры по развертыванию системы ПРО «Иджисашор», заинтересована в разрешении конфликта вокруг Северной Кореи политико-дипломатическими средствами.

Успех либерально-демократической партии во главе с С. Абэ на прошедших 22 октября 2017 г. выборах создает прочную основу для осуществления правящей коалицией активной политики укрепления безопасности Японии при помощи расширения ее военного потенциала и развития союзнических отношений с другими государствами и, прежде всего, с США.

Мищенко Яна Вадимовна,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН

Япония как потенциальный лидер ТТП: проблемы и перспективы участия в проекте

ТТП — это важное торговое соглашение последнего времени в сфере экономики и геополитики. Оно создает базу для формирования в будущем всеобъемлющей Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли, нацелено на сокращение тарифов в региональной торговле, в перспективе – на создание в Тихоокеанском регионе единого рынка. Партнерство позиционируется как стратегическое, всеобъемлющее интеграционное соглашение нового поколения.

США, вступая в переговоры о формировании ТТП в 2008 г., утверждали, что «заинтересованность Японии в ТТП демонстрирует экономическую и стратегическую значимость инициативы». Япония не сразу приняла решение об участии ввиду разногласий японских промышленных кругов и представителей аграрного сектора.

Когда Япония присоединилась к ТТП, США и Японию стали рассматривать как главную ось, «несущую конструкцию» этого многостороннего соглашения. Эти два государства имеют соглашения о свободной торговле с большинством остальных участников, но не друг с другом. После выхода США из ТТП в 2017 г. Япония намеревалась убедить Вашингтон изменить решение, считая, что без участия США проект не имеет смысла, фундаментальный баланс интересов будет утрачен. Но Япония осталась крупнейшей экономикой в рамках проекта и, чтобы обеспечить жизнеспособность ТТП и его введение в действие, оказалась перед необходимостью взять на себя лидерство в этой новой формирующейся структуре.

Выход США из соглашения породил среди участников различные взгляды на то, в каком направлении развивать проект дальше. Предлагается пересмотреть положения, на которых США настаивали и в которых оставшиеся в проекте страны менее заинтересованы (регулирование трудовых прав и интеллектуальной собственности, сфера фармацевтической промышленности, правила ратификации соглашения). Япония поддерживает такие предложения.

Готовность Японии взять на себя лидерство в ТТП после выхода из соглашения США улучшила шансы этого проекта, но в настоящее время переговоры находятся на стадии обсуждения 11 странами. Японии как потенциальному лидеру предстоит большая работа по согласованию новых положений договора, по «заморозке» старых условий, одновременно по предпринимаемым попыткам убедить США в сохраняющейся привлекательности ТТП.

Принятие важных итоговых решений по дальнейшей судьбе ТТП планировалось в ноябре 2017 г. во время саммита АТЭС. Однако Канада не стала участвовать в общей встрече. При этом министры торговли стран ТТП достигли соглашения о важных элементах базового соглашения. Стороны решили сменить название будущего объединения на «Всестороннее прогрессивное Транстихоокеанское партнерство», что означает, что соглашение будет охватывать не только торговлю, но также сферу инвестиций, защиту интеллектуальной собственности.

Муратшина Ксения Геннадьевна,

кандидат исторических наук

доцент кафедры теории и истории международных отношений

Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина

ЖангТхиТхом,

магистрант кафедры теории и истории международных отношений

Уральского федерального университета имени первого президента России Б.Н. Ельцина»

«Мягкая сила» в политике Японии в отношении Вьетнама

Развитие отношений с Социалистической Республикой Вьетнам является в настоящее время одним из важных направлений внешней политики Японии, как в силу ее заинтересованности в экономическом сотрудничестве с данной страной, так и в контексте соперничества с Китаем за лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в том числе за влияние в Юго-Восточной Азии. В отношениях с СРВ японская сторона решает совершенно конкретные задачи – от размещения необходимых для нее производств до психологического давления на Пекин в островном споре в Восточно-Китайском море посредством расширения сотрудничества с самыми разными партнерами по всему АТР, особенно, по совпадению, с теми странами, которые сами находятся в состоянии конфликта с КНР, другого территориального спора – по Южно-Китайскому морю.

Одним из средств развития контактов и усиления влияния стали различные проявления политики «мягкой силы». В данном исследовании рассмотрены конкретные составляющие «мягкой силы» в политике Японии в отношении Вьетнама в период с 2000 г. по настоящее время. Подробно изучается активность японской стороны, прежде всего, в развитии сотрудничества в таких сферах, как образование, культурные обмены (выставки, гастроли, литературные фестивали, кино, проведение Годов дружбы), распространение японского языка и культуры, туризм, реставрация исторических памятников. Также выделяются тенденции в экономическом сотрудничестве, которые повышают привлекательность Японии в глазах вьетнамских партнеров, а именно инвестиционная активность, признание рыночного характера вьетнамской экономики, разнообразные программы обучения персонала и готовность вкладываться во вторичный и третичный сектор вьетнамской экономики, в то, что обеспечивает более-менее реальное индустриальное и технологическое развитие. Выделены и некоторые проблемы, с которыми сталкиваются стороны.

В целом, авторами отмечается, что стратегия, выбранная японской стороной в отношениях с СРВ, оказалась успешной, и «мягкая сила», несмотря на наличие ряда проблем, работает. Результатом этого можно считать такие показатели, как рост товарооборота и туристических потоков, расширение сотрудничества Вьетнама с Азиатским банком развития, в котором, как известно, японская сторона занимает доминирующие позиции, а также готовность совместно продолжать проект Транстихоокеанского партнерства даже после выхода из него США.

Нелидов Владимир Владимирович

научный сотрудник Центра японских исследований, Института востоковедения РАН;
преподаватель кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Внешнеполитический процесс в Японии периода «системы 1955 года» на примере заключения японо-американского Договора безопасности

Период господства Либерально-демократической партии в японской политике в 1955-1993 годах, известный также как период «системы 1955 года», является ключевым для всей послевоенной истории Японии. Во многом именно тогда сформировались те институты и особенности политической культуры, которые продолжают определять ее функционирование и по сей день. Вследствие этого изучение процесса принятия решений в данный период, в частности, анализ процесса выработки решений в сфере внешней политики, является актуальной и практически значимой задачей, в том числе, с точки зрения понимания логики современной японской внешней политики.

В настоящем докладе будет рассмотрен один из примеров такого процесса, относящийся к начальному этапу существования «системы 1955 года», а именно события на японской политической арене, сопровождавшие выработку, подписание и ратификацию японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 года.

Анализ действий и мотиваций различных участников этих событий – премьер-министра КисиНобусукэ, министра иностранных дел Фудзияма Айитиро, лидеров фракций правящей ЛДП, а также оппозиционных политиков – позволяет сделать следующие выводы относительно специфики внешнеполитического процесса в Японии рассматриваемого периода.

Во-первых, вопреки распространенному в японской политической системе механизму принятия решений «снизу вверх», выработка деталей изучаемого решения осуществлялась очень ограниченным кругом лиц.

Во-вторых, действия практически всех задействованных акторов могут быть истолкованы как, в немалой мере, оппортунистические и мотивированные стремлением скорее максимизировать собственную конъюнктурную выгоду, нежели добиться конкретной цели в сфере внешней политики.

В-третьих, итоговым результатом действий всех участников внешнеполитического процесса было то, что, несмотря на реализацию общей цели, а именно успешное подписание Договора безопасности на условиях, в общем и целом отвечавших интересам Японии, практически ни один из отдельно взятых участников не смог достичь своих индивидуальных политических целей в полной мере.

Парамонов Олег Геннадьевич,

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС

Института международных исследований МГИМО-университет МИД России,

доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Военно-техническое сотрудничество Японии с иностранными государствами и интересы России

Страны, занимающиеся экспортом вооружений, на протяжении длительного времени не рассматривали Японию в качестве своего конкурента из-за существовавшего в Токио консенсуса между политиками и представителями бизнеса о целесообразности полного отказа от торговли оружием с целью обеспечения мирного развития страны. Тем не менее, возникшая в Японии во время холодной войны система полного запрета экспорта вооружений и участия в его совместном производстве, известная как «Три принципа военного экспорта», стала постепенно смягчаться под влиянием участия Токио в американских планах по созданию ПРО. Например, с 2008 г. Япония участвует в совместной с США разработке новой модификации противоракеты Standard Missile-3, получившей название SM-3 Block IIА. Политические шаги по пересмотру «Трёх принципов запрета военного экспорта» до повторного избрания в декабре 2012 г. Абэ Синдзо на пост главы правительства не предпринимались.

Решение С. Абэ открыть трансфер некоторых категорий продукции военного назначения обусловлено изменениями региональной среды безопасности, в частности, усилением военно-морской мощи Китая. В Токио, очевидно, полагают, что осуществление Японией военно-технического сотрудничества под политическим «прикрытием» взаимодействия с США может способствовать снижению заинтересованности Пекина в региональной гонке вооружений, обеспечив поддержание достаточного уровня военных возможностей дружественных Японии государств. Кроме того, С. Абэ рассчитывает диверсифицировать политику Японии в области безопасности, используя военно-техническое сотрудничество для выстраивания и укрепления связей в оборонной сфере не только с региональными акторами, например, Австралией и Индией, но и с европейскими странами.

Токио, начав с осторожных шагов по участию в региональной ПРО ТВД, оказался вовлечённым в процесс создания глобальной противоракетной архитектуры, предназначение которой выходит за рамки национальных интересов Японии. При этом затрагивается крайне чувствительная для Российской Федерации проблематика, связанная с ЕвроПРО.

С точки зрения оценок экспортных перспектив японского ОПК, включая возможности его конкуренции с другими крупными экспортёрами военной продукции, в том числе с Россией, представляют интерес уже имевшие место попытки самостоятельного выхода Токио на внешние рынки вооружений с такими высокотехнологичными видами военной продукции, как самолёты и подводные лодки.

Полхов Святослав Александрович,

кандидат исторических наук,

научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН

Дискуссия вокруг содержания учебников по истории в Японии (сообщение)

1. Ревизия учебников – часть образовательной реформы, инициированной Синдзо Абэ.

2. Новые стандарты отбора учебников, согласно которым при описании некоторых тем современной истории в учебнике должна быть отражена точка зрения правительства или решения судов вызвали острую дискуссию в прессе и академических кругах Японии.

3. Касательно территориальных проблемные учебники по географии и общественным наукам должны разъяснить ученикам, что острова Такэсима (кор.Токто) и Сэнкаку (кит. Дяоюйдао) – неотъемлемая часть Японии, а учебники истории – как и почему вышеперечисленные острова стали частью Японии.

4. Всё это вызвало жесткую критику со стороны соседей, в частности, со стороны Пекина и Сеула.

5. Несмотря на это администрация С.Абэ, по-видимому, продолжит настаивать на правильности предложенной трактовки спорных моментов из прошлого Японии.

Саркисов Константин Оганесович,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра японских исследований
Института востоковедения РАН

События в Цзинане и убийство ЧжанЦзолиня

В начале января 1928 г. после невольной отставки Чан Кайши возвращался в большую политику, но ситуация в партии Гоминьдан оставалась крайне сложной. В самой японской столице в эти дни происходило нечто тоже похожее на бунт. На выборах партия Сэйюкай во главе с Танака набрала много голосов и по числу парламентских мест сравнялась с оппозиционной партией Минсэйто, но равновесие было шатким. Настоящим испытанием для кабинета министров оставалась внешняя политика. Особенно тревожной была ситуация в Китае. В середине февраля 1928 г. вернувшийся во власть Чан Кайши начал поход на Пекин, где правил "маньчжурский диктатор" ЧжанЦзолинь.

Первое серьезное столкновение японцев с вооруженными силами тех, кто шел в сторону Пекина произошло в мае 1928 г. в Цзинани - столице Шаньдунской провинции, куда гоминьдановские войска "завернули" в надежде захватить полуостров перед осадой Пекина. 3 мая первые ожесточенные бои между гоминьдановскими силами и японскими частями сопровождались значительными потерями с обеих сторон.

В этот период особенно четко проявилось самоуправство японских военных, решения которых стали брать верх над соображениями японской дипломатии. Внезапно оставив Цзинань, Цзинань Чан Кайши начал двигаться в сторону Пекина. Заявление Токио о недопущении военных действий в Маньчжурии "уравновешивалось" готовностью обеспечить плавный и бескровный переход власти в Пекине в руки Чан Кайши. Но уход ЧжанЦзолиня из Пекина и его перебазирование в Мукден ставило перед Токио новые проблемы - возвращение диктатора в маньчжурскую столицу не обещало легкой жизни для японской дипломатии. Решение нашли военные - вагон поезда с ЧжанЦзолинем в том месте, где под мостом он пересекал линию ЮМЖД, 4 июня 1928 г. ранним утром от мощного взрыва разлетелся на куски.

Через месяц 6 июля 1928 г. в Пекине в одном из храмов у Западных Холмов во время церемонии перехода власти в руки Гоминьдана и формального объединения страны у тела Сунь Ятсена собрались командиры армий "Северного похода". Чан Кайши, обняв гроб своего учителя не мог сдержать слез. ФэнЮйсян поднимал его с колен и как мог утешал, а рядом в траурном молчании стояли ЯньСишань и Ли Цзунжэнь. Только им четверым было разрешено лицезреть покойника.

Через год все присутствующие перессорятся и будут воевать друг против друга. Концентрация власти в руках Чан Кайши вызовет неприятие. В стране по-прежнему будет царить хаос, которым воспользуется Япония, чтобы сохранить и укрепить свои позиции в Маньчжурии.

Василий Васильевич Верещагин и Япония

26 октября 2017 г. исполнилось 175 лет со дня рождения русского художника Василия Васильевича Верещагина. Его кисти принадлежат многие яркие картины,

изображающие Восток, его архитектуру и людей в обширном географическом диапазоне от Средней Азии до Индии, от Китая до Филиппин. В 1903 г. Верещагин посетил и Японию. О его пребывании сведения отрывочны. В японских газетах можно найти упоминание о том, что 16 октября 1903 г. российский посланник барон Розен нанес визит Главному Церемониймейстеру императорского двора барону Санномия Ёситанэ и выразил ему благодарность за радушный прием российского художника Верещагина во время пребывания того в Японии.

Талант русского художника особенно проявился в написании батальных картин. Спустя три месяца после начала русско-японской войны Верещагин отправился в Порт Артур в надежде, что его возьмут на борт одного из кораблей в качестве художника. Он был известен своими резкими антивоенными высказываниями. Искусство и война - вещи несовместимые. Ярко рисуя картины боев, он показывал как отвратительно убийство людьми себе подобных. Адмирал Макаров, взявший его на борт броненосца "Петропавловск", флагмана российских кораблей в Порт-Артуре, говорил художнику: *"Береги себя! Если убьют меня, всегда найдется замена. Убью тебя - замены тебе не найти"*.

Они погибли оба в один и тот же день и в ту же минуту. 13 апреля 1904 г. флагман российской эскадры "Петропавловск" наткнулся на японскую мину и после мощного взрыва - сдетонировал боезапас, разломанный пополам пошел ко дну (轟沈した).

"Это большая потеря для российского флота", писал в эти дни японский историк и критик Сасагава Ринпу (笹川臨風). *"Но это и огромное несчастье в истории российского искусства. Данное событие выделяется на общем фоне новостей и мы японцы глубоко сочувствуем высоким порывам большого художника, который пожертвовал собой во имя своей страны, во имя искусства"*.

Стрельцов Дмитрий Викторович

доктор исторических наук, председатель Ассоциации японоведов,
заведующий кафедрой востоковедения МГИМО(У) при МИД России

Система власти ЛДП при С.Абэ: есть ли национальный консенсус?

Японское общественное мнение, судя по опросам, не во всем бесспорно поддерживает «патриотические» взгляды премьер-министра. Конкретные опросы по вопросам конституции, политики в области военной безопасности, исторического прошлого и т.д. показывали пеструю и противоречивую картину, свидетельствующую о глубоком расколе в общественном мнении страны

В арсенале Абэ – использование кратких и емких слоганов, которые стали визитной карточкой его кабинета – тихо сосэй («обновление регионов»), дзёсэйкацуяку («общественная активность женщин»), итиокукацуяку («активность стамиллионов»), намек на все взрослое население Японии), хатаракикатайкаку («реформа занятости») и т.д. Наиболее известным и раскрученным лозунгом, ставшим настоящим мемом в глобальных сетях и, по сути, визитной карточкой правления Абэ, стала «абэномика». Благодаря медийным возможностям Абэ удалось также создать себе образ «спасителя» Японии, благодаря которому страна избежала неприятных моментов, связанных с глобализацией. Действительно, в стране практически отсутствуют конфликты, связанные с массовой иммиграцией, нет серьезных межэтнических и межконфессиональных противоречий, лучше, чем где бы то ни было в мире ситуация в сфере общественного порядка. Не столкнулась Япония в полной мере и с проблемой терроризма. По сравнению с Европой в Японии существенно ниже уровень безработицы, а общая ситуация в социально-экономической сфере не столь удручающая. В результате пропагандистских усилий правительства у многих японцев, не обязательно относящихся к числу поклонников С.Абэ, возникает ощущение «благодарности» к лидеру, основанное на ложной идее о том, что при любом другом премьер-министре «было бы только хуже».

Среди системных проблем, которые стоят перед администрацией Абэ, следует отметить несовершенную систему принятия политических решений, тающую в себе риск серьезных стратегических просчетов, на фоне утраты традиций внутрипартийной демократии и усиления авторитарного начала в стиле правления Абэ.

Трудно охарактеризовать построенную Абэ систему власти как основанную на национальном консенсусе. На октябрьских 2017 года внеочередных выборах в нижнюю палату ЛДП действительно одержала убедительную победу. Однако анализ показывает, что электоральная поддержка не носила массового характера, а залогом победы стали особенности избирательной системы, а также крайне аморфная в идеологическом и организационном отношении оппозиция.

По этой причине дальнейший путь к созданию двухпартийной системы в Японии представляется долгим и трудным. Некоторую надежду вызывает левоцентристская Конституционно-демократическая партия, которая, как можно предположить, будет иметь более последовательную и цельную программу, нежели ее предшественница в лице ДПЯ. Однако на данном этапе говорить о сколько-нибудь значимом успехе КДП было бы преждевременно.

Тихоцкая Ирина Сергеевна,

кандидат экономических наук, доцент географического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Солнечное «чудо» Японии и Китая

Первый фотогальванический элемент был изобретен в США в середине 1950-х годов.⁴ Однако вследствие высокой стоимости прошли десятилетия прежде чем началось их широкое использование для получения электроэнергии. В 2014 г. Международное энергетическое агентство заявило о том, что солнечная фотовольтаика в 2050 г. может стать единственным источником электричества, а ее стоимость понизиться до 4 долларовых центов за кВт*ч.⁵

Япония была первой страной, которая стала развивать солнечную энергетику на законодательном уровне, и первой достигла 1ГВт солнечных мощностей. Сначала фотовольтаические установки приобретают популярность в жилых домах, а после 2011 г. начинается активное строительство мегасолнечных станций. В Японии разворачивается настоящий солнечный «бум», значительно ускорившийся в 2016 г.

Однако наступило время существенных перемен. Японское солнечное «чудо», вероятно, продолжится, но в первую очередь теперь благодаря китайским компаниям, крайне заинтересованным в сбыте своей продукции на японском рынке. Японские же производители будут вынуждены находить свои ниши, чтобы выпускать для солнечно-энергетической отрасли продукцию, обладающую уникальными свойствами. Солнечная энергетика как отрасль в Японии от этого только выиграет: повысится рентабельность производства, стоимость производимой электроэнергии снизится и откроются новые горизонты применения солнечных панелей и фотоэлементов. А конкуренция и амбиции сторон приведут не только к экологизации энергетики Японии и Китая, но и к улучшению экологической ситуации в Восточной Азии в целом.

---

⁴Green, M. A. 2005. Silicon photovoltaic modules: a brief history of the first 50 years. Prog. Photovolt: Res. Appl. 13:447–455. Цит. по: Francesco Meneguzzo, Rosaria Ciriminna, Lorenzo Albanese, Mario Pagliaro The great solar boom: a global perspective into the far reaching impact of an unexpected energy revolution (<http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/ese3.98/full/>)

⁵Karel Beckman. Solar power to the people. October 17, 2014 (<http://energypost.eu/sun-also-rises/>)

Хойлова Ульяна Александровна,
аспирант МГИМО(У) при МИД России

Восточноазиатская дипломатия как фактор формирования российского направления внешней политики Японии в постбиполярный период

Восточноазиатская дипломатия Японии носит весьма противоречивый характер. С одной стороны, вектор ее направлен на поддержание ровных и стабильных отношений со странами Восточной Азии в целях сохранения безопасности и стабильности в регионе, но с другой стороны Япония стремится обеспечить собственную безопасность путем сдерживания растущих угроз со стороны стран рассматриваемого региона, в частности добиться денуклеаризации Корейского полуострова и защититься от усиления влияния Китайской Народной Республики, что также провоцирует рост напряженности в АТР, в частности в его северо-восточной части.

В связи с этим соображения собственной безопасности становятся все более определяющими в восточноазиатской дипломатии Японии, что не может не оказывать влияние и на выработку российского направления внешней политики Японии. Так, обзор и анализ инициатив Токио на российском направлении, позволяет сделать как минимум два вывода.

Первый заключается в том, что восточноазиатская дипломатия Японии действительно вносит коррективы в позицию Японии как в отношении самой России, так и по ключевым вопросам, лежащим на повестке дня японо-российских отношений, создавая положительные условия для развития двусторонних отношений. Об этом говорят и снятие тезиса о российской (советской) угрозе, общность позиций стран по международным проблемам, в частности северокорейской, что открывает возможности для диалога и сотрудничества.

Во-вторых, фактор восточноазиатской дипломатии не способствует существенному углублению японо-российских связей. Если ухудшение отношений Японии с восточноазиатскими странами неизменно ведет к сближению Японии с США и укреплению двустороннего сотрудничества, то на российском направлении происходят незначительные изменения – инициативы Японии ограничиваются лишь призывами к международному сотрудничеству, а двустороннее взаимодействие не продвигается далее диалога, что показано на примере северокорейского ядерного кризиса.

Что касается Китая, то Япония крайне настороженно относится к сближению России и Китая, полагая, что оно может принять антияпонский характер, а также крайне болезненно воспринимает сотрудничество обеих стран, особенно военно-техническое. Принимая это во внимание, Япония тем же временем не выдвигает серьезных инициатив по укреплению сотрудничества с Россией в сфере безопасности, что могло бы привести к разворачиванию военно-технического сотрудничества, а также расширить поле для маневра между Россией и Китаем.

Таким образом, из всего этого следует, что противоречивость восточноазиатской дипломатии Японии вносит существенный элемент неоднозначности в политику на российском направлении.

Проблема поддержки позиции Японии в отношении КНДР и КНР со стороны Европейского Союза

Как отмечается в Стратегии по безопасности Японии 2013 года, главными региональными угрозами для страны являются ракетно-ядерная программа КНДР и агрессивная политика КНР в Восточно-Китайском море. В стремлении противостоять этим угрозам Япония ищет поддержку среди значимых акторов мировой политики. Из западных держав активную поддержку Японии оказывает их союзник США, в то время как Европейский Союз занимает более осторожную позицию.

В отношении Северной Кореи ЕС выступает жестко против развития ее ракетно-ядерной программы, а также против нарушений прав человека. После последних испытаний ракет 29 августа и 15 сентября 2017 года ЕС осудил провокационное поведение КНДР, поддержал инициативу Японии и США созвать внеочередное заседание Совета Безопасности ООН, расширил санкции против Северной Кореи. Япония и ЕС ежегодно подают в Генеральную ассамблею ООН совместные резолюции, призывающие правительство страны соблюдать права человека. Практически в каждом итоговом документе по результатам японо-европейских саммитов присутствует упоминание о северо-корейской проблеме и отдельно о проблеме похищенных граждан. Однако дальше того, чтобы признать важность проблемы в совместных пресс-релизах и резолюциях, ЕС не идет.

Угроза развития японо-китайского территориального конфликта находит у руководства ЕС меньший отклик. В разгар конфликта в сентябре 2012 года ЕС принял резолюцию, в которой говорилось о необходимости соблюдать принципы Конвенции ООН по морскому праву, но при этом даже не были названы стороны конфликта, сообщение было предельно кратким, с обтекаемыми формулировками. Такой же краткой и сдержанной была резолюция ЕС, в которой он признавал решение Гаагского трибунала об отсутствии приоритетных прав Китая на использование территорий и ресурсов Южно-Китайского моря, но при этом не призывал Пекин к его исполнению.

ЕС не готов идти на конфронтацию с Китаем и явно поддерживать Японию в территориальном споре вокруг островов Сэнкаку, во-первых, из-за существенной экономической зависимости от Китая, во-вторых, из-за внутренних разногласий между странами-участницами. На данном этапе ЕС старается усидеть на двух стульях: избегать явной критики Китая и сохранять благожелательные отношения с Японией, которая ожидала от ЕС большей поддержки и была разочарована сдержанной реакцией на решение Гаагского трибунала.